

Юрий СТАРОБИНЕЦ

Земная жизнь с пропымском в небе

Книга 2

16+

Юрий Старобинец

**Земная жизнь с пропиской
в небе. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Старобинец Ю. С.

Земная жизнь с пропиской в небе. Книга вторая /
Ю. С. Старобинец — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Содержание книги охватывает события трехвековой истории России и продолжает судьбу главного героя Андрея Старова. Жизнь привела его к организации первой экспедиции к заброшенному в болотах величественному Рдейскому монастырю. Каждый путник, побывавший там, проходит путь переосмысления истории России, своей судьбы и понимания жизни. Кто мы на этой земле? Для чего живем? Какой срок пребывания отведен нам и что останется после нас? Эти поставленные перед собой вопросы и есть «Земная Жизнь». Штамп от прописки в небе тоже остается навечно, он тревожит пилота во снах и гонит его по лабиринтам прошедшей жизни.

© Старобинец Ю. С., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

ЮРИЙ СТАРОБИНЕЦ

Земная жизнь
с пропиской в небе
книга 2

Псков 2014 год

Содержание книги охватывает события трехвековой истории России, и в то же время продолжает судьбу главного героя Андрея Старова. Жизнь привела его к организации первой экспедиции к заброшенному в болотах величественному Рдейскому монастырю. Каждый путник, побывавший там, проходит путь переосмысления истории России, своей судьбы и понимания жизни. Кто мы на этой земле? Для чего живем? Какой срок пребывания отведен нам и что останется после нас? Эти поставленные перед собой вопросы и есть «Земная Жизнь». Штмп от прописки в небе тоже остается навечно, он тревожит пилота во снах, не дает успокоить мозг и гонит его по лабиринтам прошедшей жизни. И лишь глубоко окунувшись в историю страны, человек сможет понять правоту Конфуция: «Хочешь знать будущее – изучай прошлое».

От автора:

Судьбы людей 19 века близки к реальным событиям, картины жизни взяты из воспоминаний Митрополита Вениамина Федченкова, экономическое положение уезда из книги В.В. Котова «Холм на Ловати и его земля». Читатель увидит и современное понимание прошедших событий на основе размышлений автора. Судьбы, имена друзей и соратников 21 века изменены. Художественный сюжет книги потребовал более насыщенных событий, поэтому некоторые узнаваемые герои получили дополнительные поступки, происшедшие в другое время с другими людьми. Постарайтесь не объединять героев книги с реальными действующими лицами. Это может навредить реальному человеку в современной жизни.

ВЕСТИ ИЗ ПРОШЛОГО, 19 ВЕК

Шел 1860 год. Александр Мамонтов возвращался из Европы в Москву после пятилетнего отсутствия. Весть о тяжелой болезни отца пришла неожиданно и не вовремя. Он добился первых успехов, пройдя путь от рабочего винзавода, приказчика в большом магазине до заведующего отделом. Ему доверяют. Он регулярно носит миллионы франков в банк, и лишь однажды возникла у него в голове мысль о возможности сбежать с большой выручкой, уехать в Америку и открыть свое дело. Но он выбросил эту глупость из головы, скрываться и пробираться тайком он не мог. Не прошло даром отцовское внушение:

– Слово купеческое – это сама честь, а иногда жизнь целиком. Не поймешь этого, однажды проснешься, а вокруг много людей, но ни одной живой души. Береги, сын, нравственную, духовную основу в словах и делах.

Александр располагал небольшим капиталом для открытия своего дела в сфере мелкого производства, выпуска газет и даже похоронного дела. Эти направления были неплохо изучены, риски просчитаны. Любовь к молодой прекрасной француженке придавала ему сил и энергии, но именно из-за нее он не мог заняться бизнесом, требующего полного погружения. Жениться, начать семейную жизнь и одновременно открыть свое дело казалось совершенно невозможным. Возвращение в свободную, деловую Европу оставалось смыслом всей его жизни.

В последнее десятилетие его отец Николай Мамонтов принял ряд неординарных решений. Покинув столицу, он первым из знаменитых купцов переселился в Москву, купил большой и красивый дом в Раздолье и открыл на Сыромятной улице фабрику сургуча. В 1858 году на этом месте появился завод сургуча и красок. Николай Мамонтов, купец первой гильдии, стал почетным гражданином Москвы.

В семье Мамонтовых Саша был третьим сыном и четвертым ребенком. Сестра Вера рано вышла замуж за известного картинного коллекционера Павла Третьякова и жила счастливо. Старший брат Иван был полностью при отце, помогал ему в организации производства и сейчас фактически руководил фабрикой. Средний брат Кирилл, закончив обучение и используя деньги отца, занимался мелкой торговлей. Александр пошел своим путем, нарушив волю отца, он покинул Россию для поиска своего места в жизни и познания мира. Родители не сразу смирились с самоволием младшего сына, но поскольку верили в него, снабдили в дорогу деньгами.

– Это тебе на регулярные письма с чужбины и возвращение обратно – сказала мать, сунув ему в руки большие по тем временам деньги. Отец на проводы сына даже не вышел.

Теперь блудный сын возвращался на Родину в промозглую русскую осень на перекладных пролетках. Закутанный в длинный тулуп он постоянно мерз, все больше раздражаясь от плохих дорог, грязи и нищеты окружающих сел. Было время подвести итоги прожитых 27 лет. Воспоминания наплывали волнами, захлестывая картины теплой и сытой европейской жизни.

Его дед родился крепостным и принадлежал помещику Шаловскому. Он был «дворней» – так назывались крепостные крестьяне, служившие в помещичьем имении. К дворне относились: управляющий барским поместьем, чином ниже – конторщик, заведующий писмоводством, приказчик, которого чаще всего видели сидящим верхом на лошади с кнутом в руке. Ему поручал помещик надзор за полевыми работами крестьян и требовал исполнения своих распоряжений. Потом шли ключник, владеющий ключами от амбаров с хлебом, садовник, повар на барской кухне, лакей в барском доме, экономка, горничная, кузнец, плотник, кучера барской конюшни, а также собачник, ухаживающий за стаей гончих собак для барских охот. Потом пчеловод, разные подручные помощники: заведующий овчарней, птичница, коровница, пастух и пр. Пастух был последним в ранге всех служащих, и когда хотели указать на самое низкое житье, говорили:

– Смотри, а то пастухом будешь.

Вся эта дворня, хоть и считалась промежуточным звеном между классом господ и «мужиками», не особенно уважалась земледельцами-крестьянами потому, что была безземельной. Жизнь дворни, включая управляющего, зависела исключительно от помещика. У крестьян был хоть кусок земли. У безземельной дворни – ничего: ни избы, ни земли для постройки, ни даже огорода. Господин, помещик был хозяином огромных земель и жил в богатом поместье среди прекрасного сада. В барский дом никто из простых смертных попасть не мог, поэтому он казался недостижимым. Было, правда, исключение, когда на святки господ устраивали детям елку и приглашали на нее детей дворни, заготовив для них недорогие подарки, «гостинцы». Для доставки детей запрягали лошадей с санями и везли в звёздную ночь по искрящемуся снегу. Их с восторгом от «рая» проводили в барский зал. Высокие потолки, красивое убранство зала, «необыкновенные существа» – господа, такие все красивые и нарядные, все улыбаются. И среди всей этой волшебной-сказочной прелести еще огромная елка до потолка: с зажженными мерцающими свечами, серебряными нитями со звездами, игрушками, сладостями. Детей водили хороводом вокруг нее, раздавали подарки и потом возвращали их с «неба на землю».

Вокруг барского дома обычно разбивался красивый парк, иногда целая роща, аллея, цветочные клумбы. К барскому дому вел особый подъезд, на границе которого стояло два белых столба, иногда соединенных аркой. В главном селе был храм. Его обычно строил помещик рядом с парком. Тут же, внутри кирпичной ограды было барское кладбище, где хоронили усопших помещиков, священников и членов их семей. Дьяконов и псаломщиков хоронили уже на

общем кладбище. Классовое различие распространилось даже и на клир. На праздники Пасхи, Рождества и Крещения, когда духовенство посещало с молебнами дома господ, священник и диакон приглашались потом к столу в барской столовой, а дьячок должен был кушать в лакейской комнате. И никого это не удивляло, такие порядки были искони. На церковном кладбище в тени больших деревьев рядами стояли гранитные и мраморные памятники, украшенные разноцветными лампадами и изречениями из слова Божия. Между рядами памятников – чистая дорожка, усыпанная песком. В свободной от могил части кладбища внутри оградной земли был лужок: здесь сидел народ, дожидаясь службы или перерыва между утреней и литургией. За оградой в десятке шагов – другое маленькое кладбище, окопанное рвом и обсаженное сплошными кустами колючей акации. Здесь хоронили из двора, да и то не всех, а кто повыше. Тут ставили на могилах деревянные кресты.

А вдалеке, приблизительно в версте, было уже общее мужицкое кладбище. Тут не было ни ограды, ни кустов, а только старая канава, почти заровненная от времени землей. На могилах кое-где были кресты, или лишь уцелевший основной кол. Унылое было это третье кладбище, вдали от людей, жилья, среди голого поля. Однажды, в засушливый год Александр принял участие в народном шествии по полям с молебном о дожде. Мужчины и женщины взяли крест, хоругви, и иконы под перезвон колоколов направились... на общее кладбище свое. Там согласно обычаю отслужили сначала панихиду по всем усопшим. Живые люди в молитве просили умерших предков помочь одолеть и засуху. Мудрый и умильный обычай святой Руси! По окончании панихиды женщины бросились по разным концам кладбища к родным могилам, кое-где послышался жалобный плач. Потом люди пошли с пением молитв по полям. Что это были за горячие молитвы! Александр сам еле сдерживал слезы и шептал:

– Господи! Ты не можешь не услышать этих бедных людей. За эту веру их, за слезы! Я прошу тебя: дай им все, что нужно.

И через день дождь пошел. Александру потом говорили, что не было случая, чтобы такие молебны вообще оставались без исполнения.

Богатый помещичий класс жил совершенно обособленной от народа жизнью. Александр вспоминал барина, сурового и недоступного. Не было случая, чтобы он когда-нибудь поговорил с крестьянином. Неприветлива и строга была барыня. Она построила отличную школу для детей округи, давала ученикам ежедневный обед из дворовой кухни. Делала подарки на праздники, но сохраняла строгий и холодный облик. Храм был единственным местом, где барин и крестьянин обращались к Богу на равных, правда каждый со своего определенного места: барин в первом ряду, остальные – позади, но никто из молящихся крестьян не дивился этому и не осуждал. Все одинаково каялись в грехах перед общим духовником, причащались из одной Чаши, стояли рядом в одном храме, молились одному Богу и спокойно готовились к смерти и погребению на разных кладбищах. Нужно сказать, что у благочестивых помещиков было добросердечное отношение к крестьянам. Но были и другие: жили только для себя и мало думали о народе.

Дед Александра служил на войне вместе с сыном барина. Спас ему жизнь, за что получил освобождение от крепостного права. Острый ум, природная смекалка, проявившаяся на войне, а затем в барском хозяйстве помогли ему стать купцом, хотя первый «откуп» приобрел для него барин. Откупом в те времена называли право на торговлю. Судьба благоволила семье Мамонтовых, превратив ее в знаменитый род.

Жизнь сына барина сложилась не так хорошо. Молодой барин служил на Полтавщине, где влюбился в крестьянскую девушку. Возвращаясь со службы, он взял ее с собой, однако не посмел сразу явиться с ней в барский дом, а оставил ее у крестьян в деревне в четырех верстах от дома. И уж потом сообщил своей матери неожиданную новость, что вернулся он не один, а с любушкой. Мать, как говорит предание, сняла туфли со своей ножки и отхлестала сына по щекам. Потом приказала привести девушку, как законную жену в общий дом. Но тяготилась

барской жизнью украинская крестьянка: все непривычно было для нее в чужом доме. Тогда молодой барин построил молодой семье отдельный флигель, ближе к селу, у дороги. Молодая жена обсадила его сиренью и разными деревьями. Говорили про нее, что любила она ходить к крестьянам родным, а народ ее жалел и любил. Но несчастна была ее жизнь: она начала пить горькую, а потом и скончалась скоро. Ее сын Владимир, которого хорошо помнил Саша, умер раньше времени, не оставив потомства. Нелегко уживались вместе люди разных классов и слоев общества, несмотря на единую родину и веру.

А бабушка рассказывала Саше, как женили его деда. Это было характерно для того времени. Как то зимой Сашин прадед обратился к своему сыну Федору, лежащему на теплой, огромной русской печи со словами:

- Федор! Я решил тебя женить.
- На ком батюшка?
- Хочу взять дочь приказчика из соседнего села Надежду.
- Батюшка, это – рябую-то?

(Бабушка Александра в детстве болела оспой, и на хорошем личике ее остались с десяток малозаметных рябинок).

- Как? Что ты сказал?
- Я говорю рябая она.
- Да как ты посмел перечить мне? Ну-ка слезь сюда с печи!

Сын повиновался. Прадед взял от печи рогач да раза два вытянул им по спине своеумного жениха.

– Вот тебе рябая! Что, я не знаю, что ли, кого тебе выбирать? Надежда – смиренная, а что рябь малость, так воду с ее лица, что ли, пить? Жить придется с нею. Душа нужна.

- Прости, батюшка! Хоть на рябой, хоть на кривой, ваша воля! – смирился сын.

И поженились. И какая она была чудная жена и мать! Преданная, смиренная, благочестивая, чистая и терпеливая женщина. Никто никогда не видел ее сердитой или недовольной. Кротчайшее существо было, как святая. И умерла свято, безболезненно, подобно нянюшке Л. Толстого.

Лошади продолжали вести Александра по дороге, уже присыпанной первым снегом. Воспоминания уступили место размышлениям. Крепостное право на Руси казалось немислимой отсталостью общества. Как можно так жить? Почему молчит народ? Неглупый царь Александр Второй, а не понимает, как живет Европа? Или великое смирение крестьян-христиан давало народу такую огромную силу терпеть все? Или глубокая идея о суетности и скоротечности этой земной жизни давала ему мудрость философа, народа-богоносца, по слову Достоевского? Или уж данная многовековая укрепившаяся привычка повиноваться, подчиняться, во всем мириться облегчала ему сложности жизни? Или при довольстве, сытости, своеволии самих господ он видел у них те же болезни, свои страдания, грехи и беды? Или он чувал, что корни несчастий и скорбей находятся где-то глубже и неустранимы? Или просто, при своем хорошем сердце и сносной жизни, он удовлетворялся малым своим счастьем, не зная другого, лучшего, а если и видел его у господ, то не завидовал им. Но возможно, что у «дворовых» крепостных, в отличие даже от рядовых мужиков-земледельцев, постепенно вырабатывалась особая психология повиновения, терпения, примиренчества. Они были более зависимы от начальства, не только от помещика и управляющих, но и от меньшей власти. Мужики жили лучше, самостоятельнее: отработывали свои 2-3 дня в неделю на барина, а потом ты – сам себе господин, хозяин в семье, на скотном дворе, в огороде, в хозяйстве, в поле. Земля давала ему силу и опыт. У дворовых же, безземельных, оставался один путь: держаться места, зависеть всецело от воли владельцев, уйти было почти некуда.

– Владение людьми – совсем не божественное дело, – внушал Александру мудрый священник в Европе.

Происхождение рабства политического и экономического происходит от дьявола, который ожесточает одних людей против других. Горе можно терпеть, но оправдывать причиняющих его хозяев – нельзя. Спасение человечества от горя и страданий не происходило и не придет даже от экономических свобод. Простое доказательство тому в самих богатых и свободных: разве они лучше бедных и подчиненных? Не хуже ли душой? Не грешнее ли? Не гордее ли? Не жесточе ли? Недаром сказано Господом:

– Трудно богатому при излишестве войти в Царство Небесное, – то есть сложно оставаться хорошим нравственно, чтобы удостоиться будущей награды там.

Но это соображение не оправдывает насилия одних над другими: как бы ни было мало или велико зло, оно остается им всегда. Царь Давид в псалме говорит:

– Когда гордится (много о себе думает и позволяет) нечестивый, то возгорается нищий, – то есть обижаемый, бедняк, подчиненный. И тогда происходят революции. Ровоам, сын Соломона, стал жестоко обращаться со своими подданными. Они взбунтовались, и отделились 10 колен израильских от Ровоама. Он собрал войско, чтобы подавить эту революцию, но пришел к нему пророк и сказал от имени Господа:

– Не ходи и не вой, ибо это – от меня произошло!

Божье попущение или изволение. Иногда у людей (не святых) уже не хватает сил терпеть. В крепостной Руси бывали восстания крестьян, а нужно удивляться тому, что их бывало все же очень мало. Поразительно мало, как не выискивай их из архивов. И это от того, что народ наш был необычайно терпелив и кроток. Но вскоре начнет иссякать и смирение, а с ним – и сила терпения.

Александр Мамонтов прибыл в родной дом поздним вечером. В доме никто не спал. Обнявшись с братьями и матерью, почерневшей от горя, он прошел к умирающему отцу. В возрасте 53 года Николай Мамонтов выглядел глубоким стариком. Его белое, как мел, лицо, было неестественно высохшим и еле узнаваемым. Только взгляд из глубоких глазниц был прежним, отцовским. Жестом отец заставил сиделку поднять подушки и переместить его повыше. Его голос дрожал, но тон был категоричным:

– Я дождался тебя, сын. Мать читала мне все письма, и я знаю твои желания. Господь выполнил мои мольбы и теперь слушай последнюю мою волю. Царь Александр начинает грандиозное преобразование России, я назначил тебя от нашей семьи на сход, где будет объявлена вся стратегия изменений. От результатов этой поездки будет зависеть судьба нашего рода, и я вручаю ее в твои руки. Выбор пал на тебя от того, что ты раньше братьев узнал европейскую жизнь, приобрел опыт и быстрее поймешь суть реформ. Однако, деньги мои вы получите поровну. Отныне место твое в России, женитьбу на чужестранке запрещаю. Невеста Татьяна из рода Хлудовых для тебя приготовлена, согласие получено.

Последние слова произносились с большим трудом, но били Александра, как хлыстом. Не исполнить последнюю волю отца он не мог. Слезы душили его от нахлынувшей любви к отцу, от разрушения всех его планов. Все перемешалось в его сознании, но он прильнул к холодной руке отца, который уже прикрыл глаза от усталости. Последние слова отца прозвучали тихо:

– Жду слова купеческого, сын.

– Исполню, батюшка, – прозвучало в присутствии всей собравшейся семьи, как приговор.

– Все оставьте меня и пригласите священника, – произнес Николай Мамонтов еле слышно.

Он скончался под утро без стонов, преодолевая сильную боль, и ушел из жизни с чувством выполненного долга перед страной и семьей.

19 февраля 1861 года началась великая реформа. По ее стратегии правительство выплачивало помещикам стоимость земли, переданной освобожденным крестьянам не наличными деньгами, а ценными бумагами. Большинство помещиков кинулось продавать свои выкупные бумаги на рынок, где цена их сразу опустилась почти на треть. Цену земли определило государство, исходя из осредненных значений, подогрело слухи о готовящихся крестьянских бун-

тах и умело сыграло на понижение цены бумаг. Видя такое дело, большинство помещного дворянства, не ожидая ничего хорошего от власти, начало ценные бумаги обменивать на деньги, с изумительной легкостью тратить их в столицах и за границей. Лишь небольшая часть помещиков задумывалась о земле, содержании двора и собственной судьбы на земле предков.

Крестьяне жили и вели свое хозяйство общиной, которая объединяла несколько деревень. Суть общинного землепользования заключалась в том, что, хотя земля и была собственностью помещика, она находилась в пользовании общины. Крестьяне сами делили и перераспределяли пашню и покосы через 5-10 лет в зависимости от состава семьи. А поскольку пахотная земля на разных полях была разного качества, то ради справедливости каждый крестьянин получал на разных полях свою долю (полосу). Отсюда и появилась так называемая «чересполосица». Также община располагала запасными полосами, на которых проводилась общественная запашка, и выращивался мирской хлеб, с нее оказывалась помощь старикам, вдовам, погорельцам и сиротам. Часть хлеба поступала в магазин, где в случае необходимости его можно было купить. Усадебная земля (под домом, огородом) была собственностью крестьянина и переделу не подлежала. Крестьянин мог продать свой дом со всем хозяйством, но не имел права продать свою долю общинной земли. В общем пользовании общины находились водоемы, пастбища, леса, мельницы, дороги, мосты и др. Община своими силами или путем найма занималась ремонтом дорог, мостов и осушением болот. Все вопросы хозяйства, приема новых членов общины решались на общем сходе, здесь же избирался староста и сборщик податей. Общепринятой нормой жизни в общине была толока – помощь в строительстве избы, посевах, уборке и обмолоте.

После реформы 1861 года земельные наделы, которые получили крестьяне, стали собственностью общины. Каждый крестьянин обязан был выкупить свой надел, при этом средний размер платежей на Северо-Западе составил 8,14 рубля на душу, а плата за десятину земли до 1,52 рубля. Таким образом, государство сохранило чрезвычайно серьезное налогообложение села, рассчитывая собрать с крестьянина живые деньги за полученную землю. Крестьянин, неожиданно ставший хозяином своей судьбы, не имея опыта жизни в совершенно изменившихся условиях, был вынужден продавать свой урожай без понимания конъюнктуры рынка, продавать вслепую, второпях, неграмотно хлебным спекулянтам, нацеленных на быстрое обогащение. Хлебные аферисты, опухшие от безнаказанности, и российские банки явились основными игроками по выкручиванию слабых крестьянских рук. Им нужна была в аграрном смысле недоразвитая Россия, в которой можно было платить за хлеб не столько, сколько он стоит, а сколько хочется. Такое себе позволяла в Европе только Англия в отношении колониальных крестьян Индии.

Вот как характеризует А.Н. Куропаткин экономическое положение крестьян Холмского уезда до и после реформ 1861 года:

«До реформы хлеба в уезде было достаточно. Вывоз хлеба из г. Холма рекою Ловать достигал 40 барок в год при вместимости каждой до 6000 пудов. С освобождением крестьян от обязательного труда на помещиков экономическое положение крестьян не только не улучшилось, но и значительно ухудшилось. Главными причинами такого явления были следующие:

Выкупные платежи вместе с другими налогами составили на каждую ревизионную душу у государственных крестьян по 7 рублей в год, а с помещичьих – по 14 рублей. Такой платеж представителями Губернского Земства был признан непосильным. Избытков своего хлеба не было, а покупной вздорожал вдвое. Производство хлеба в уезде значительно уменьшилось, ибо бывшие помещики, лишившись дарового труда, значительно сократили свои запашки, а многие хозяйства совсем закрылись. Вместо 40 барок, сплавляемых по реке Ловать, отправлялось 4-7, и те с овсом. Уже в 1869 году хлебные магазины были пусты. В докладе Псковской Губернской Управы 1867 года по этому вопросу значилось:

Большинство крестьян губернии никогда не производили столько хлеба, чтобы его хватило на продовольствие до нового урожая. Настоящее обеднение произошло не от неурожая и вырабатывалось не вдруг, а постепенно. Помещичьи хозяйства упали. Производство сельских продуктов в них сократилось наполовину. Крестьянские же хозяйства упали до бедственной картины, грозящей в будущем страшными последствиями. Главной причиной упадка служили семейные разделы. Поделилось все, что могло. Крестьяне вкоренили в себе убеждение, что малорабочее семейство освобождается от рекрутской повинности. Кроме того, по собственному человеку желанию приобрести возможность свободно действовать и распоряжаться без надзора старшего, а также вследствие семейных ссор, всегда происходящих между женщинами из самых пустых причин. В настоящее время (1867) редко можно встретить семейство с несколькими работниками. Можно представить множество примеров, что дети отошли от родителей, поделили и так небольшие наделы, полученные при освобождении между собой, и в отдельном хозяйстве остались только престарелые, не способные уже работать. Много есть случаев, что престарелые родители, при живых детях питаются милостыней. В этом отношении нравственная распущенность у крестьян вышла из всяких пределов: слышать о побоях наносимых детьми своим родителям, вещь самая обыкновенная. Старики терпят, не имея возможности найти защиту. Вместе с общиной на освобожденном от крепостной зависимости крестьянине долго тяготела круговая порука, по которой за пьяницу и лентяя приходилось иногда отвечать старательному и трезвому хозяину. В первые, после освобождения годы были случаи, что зажиточные крестьяне уменьшали количество скота, запашку, чтобы только избежать расплаты за чужие грехи. Только в 1877 году Холмская Земская Управа доложила Собранию о начавшемся увеличении скота у крестьян, что служило доказательством выхода из тяжелого экономического кризиса, длившегося 16 лет, а в 1881 году ввоз хлеба уже не потребовался».

Помещик и великий поэт Некрасов Н.А. писал об этом времени:

Порвалась цепь великая,
Порвалась – раскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику.

Александр Николаевич Мамонтов выполнил волю отца и первым делом женился на молоденькой девушке Татьяне из известного во всей округе рода Хлудовых. Начало семейной жизни у молодых получилось сложным. После яркой красивой и жизнерадостной француженки, Татьяна показала Александру подвальной мышкой. Она после свадьбы продолжала называть мужа по имени – отчеству, ходила с опущенными глазами, не смея поднять их на родного мужчину и сказать лишнее слово. Полноценные отношения в постели им удалось начать только после недели безуспешных попыток. При этом все мысли Александра были далеки от семейных проблем и направлены на принятие решения о вложении денег, именно это определяло бы дальнейшую судьбу молодой семьи. Старший брат вложил деньги в расширение уже готового производства. Средний брат Кирилл начал активные действия с ценными бумагами, и помогал избавлять помещиков от ставших им ненужными сельских усадеб, перепродавая их нарождающимся купцам и зажиточным крестьянам. После мучительных размышлений Александр взял значительный кредит в банке, и все имеющиеся средства вложил в строительство винодельческого и пивного заводов. Самое лучшее оборудование для производства было заказано в Европе. Молодой винодел не ошибся, потребление алкоголя в России начинало расти большими темпами, ведь за его употребление уже не наказывали крестьян розгами на барской конюшне, да и господа помещики, проматывая за границей неожиданно свалившиеся на них деньги, быстро пристрастились к алкоголю. Спиртные напитки, произведенные в России, были не хуже европейских и продавались хорошо. Прибыль и благосостояние молодой семьи быстро выросли. Отношения с женой изменились неожиданно. Однажды Александр вернулся домой весенним поздним вечером и услышал, как жена поет старинную русскую крестьянскую песню:

Ах ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя!
Воля – сокол поднебесный,
Воля – светлая заря!

Жена пела песню с душевным надрывом, обливаясь слезами, как будто была не женой купца, а крепостной крестьянкой. Александр долго стоял, ничем себя не выдавая. Только сейчас он начал чувствовать, какой глубокой, ранимой душой обладает его суженная. Как терпеливо скрывает она от мужа свою тоску по его невниманию к ней, не смея быть навязчивой и требовательной. И он нашел путь исправления ошибки. Через несколько дней Александр объявил, что собирается в Париж по делам виноделия и берет с собой супругу в помощь. При отправке в путешествие Александр «случайно» забыл багаж жены дома, чтобы одеть ее в Париже во все новое. Сюрприз удался. Столица Франции встретила купеческую пару летним теплом. Муж лично подобрал Татьяне новые наряды, и теперь она внешне не отличалась от француженок. Сочетание же западной одежды и русской утонченности дало невообразимый эффект. Александр был в восторге от жены, не скрывал влюбленного взгляда, чем сильно смущал супругу. Медовый месяц, начавшийся три года спустя после свадьбы, по-настоящему сблизил и сроднил супругов. Очень скоро случилось естественное событие: Татьяна, бледнея и заикаясь, сообщила мужу, что беременна. В России родился их первый сын, которого по твердому настоянию Татьяны назвали в честь отца Александром.

Мамонтов не сдержался и организовал здесь встречу со своей бывшей возлюбленной. Она сильно изменилась не в лучшую сторону, давно была замужем и уже имела двух детей. При своей неизменной улыбке она постоянно жаловалась на своего нынешнего мужа, немножко корила Сашу за неожиданный отъезд и с удовольствием взяла предложенные деньги, обещая назвать своего третьего ребенка в честь русского друга. После этого тайного свидания Александр мысленно благодарил судьбу за то, что воссоединила его с Россией и подарила в жены не француженку, а лучшую на свете русскую женщину. По возвращении домой все окружающие господа заметили в жене Мамонтова большие изменения. Татьяна на всех приемах и балах стала общительной, раскованной, одевалась в модные французские одежды. Пошли разговоры по Москве о ее прекрасном вкусе, но еще больше о ее прекрасном голосе. Неожиданно для себя, Татьяна запела чистым, сильным проникновенным голосом. Романсы она исполняла с таким чувством и глубиной, что всегда вызывала светлые слезы слушателей. Теперь Мамонтовы стояли в первых строках списка приглашенных не только московских властей, но и были отмечены приемом в царской семье. Лишь беременность и роды приостановили этот неожиданный и стремительный рост популярности Татьяны и ее мужа, поставлявшего вино ко двору. Последующие 15 лет семьи Мамонтовых были одним счастливым периодом жизни. Рождение и воспитание детей в обстановке семейной любви дали положительные результаты. Сын проявлял незаурядные достижения в изучении точных наук, а дочь прекрасно пела, аккомпанируя себе на рояле.

На фоне общего падения производственных показателей России семья Мамонтовых быстро богатели. Несмотря на это, Александра беспокоило всеобщее падение нравов, затронувшее даже царскую семью. Царь – освободитель, Александр Второй при живой царице открыто жил с любовницей Нарышкиной, которая родила ему троих детей. Неслыханное по тем временам действие. А если самому царю разрешено нарушать божьи заповеди, чего же ожидать от народа. Однако, народ по привычке продолжал любить царя больше отца родного, молился за него и ждал. Огромное терпение и вера помогли ему перенести все трудности переходного периода. Большое количество крестьян, не потянув налоговый гнет государства на землю, бросало свои надельные участки на северо-западе и уходило вглубь болот на брошенные земли вдали от больших поселений. Этому способствовал рост населения, неожиданно случившийся для государства, и нерешенный вопрос общинной чересполосицы, доведенный в некоторых местах до

абсурда. Но куда большие неразрешимые проблемы вставали у детей разорившихся помещиков и знати. Возврат к старой сытой и обеспеченной жизни казался им единственным способом выжить. Путь возврата к прошлому более прост в любом обществе, но он всегда менее продуктивен. Куда сложнее искать пути движения вперед, ломая старую жизнь. Класс дворянства продолжал разрушаться. Их дети, получив образование, дали стране огромное количество философов, поэтов и писателей. Но они же породили радикальных террористов, считающих царя главным источником своих бед. Покушения на царя следовали одно за другим. Наблюдая все это, Александр Николаевич Мамонтов начинал сомневаться и в себе. Он сопоставлял резкий рост своих доходов со спаиванием значительной части населения и подспудно чувствовал тяжесть вины. Голос совести звучал в нем все сильнее:

– Не божье это дело, остановись.

Но остановить этот денежный вал он не смог, поэтому грянули подряд три несчастья, потрясшие всю его семью. И первое из них случилось со средним братом Кириллом, который увлекся барскими усадьбами без учета специфики русской жизни. Некогда богатые помещичьи дома неожиданно разграблялись и поджигались крайне обедневшими крестьянами, доводя их владельцев до банкротства. Кирилл застрелился, не вынеся позора. Ведь оба брата предупреждали его о неправильной стратегии вложения средств, но он им не верил. Александр тяжело переживал эту смерть. Денег в семье было много, они со старшим братом готовы были оплатить долги, помочь в новом становлении, но Кирилл был горд и не обратился за помощью. Братьям оставалось лишь взять его семью на полное обеспечение.

Следующим несчастьем стала смерть царя. Очередное, восьмое по счету покушение террористов оказалось успешным. Горе прокатилось по стране, народ – богоносец искренне оплакивал потерю самодержца, как самого близкого человека. А молодая оппозиция вместе с бомбометателями поняла, наконец, что смена правителя не только не подтолкнула страну к реформам, но сильно ограничила их свободу, с таким трудом хранимую царем – освободителем. Александр третий, взойшедший на престол, был нравственно чист и тверд в наведении порядка. С его приходом были разгромлены все террористические организации, закончены разговоры о выборах в Думу. О степени цензуры можно было судить по запрету распространения произведений Достоевского. Недопустимым к чтению широкой публике оказался даже великий роман Л.Н. Толстого «Война и Мир». Страна успокоилась и начала работать, отложив мысли о дальнейшей реформе на начало следующего века.

Третьим несчастьем стала болезнь самого Александра Мамонтова. Сильные боли в животе и кровотечение доводили его до потери сознания. Лучшие врачи Москвы на консилиуме пришли к выводу, что это малярия, но интенсивное лечение лишь ухудшило ситуацию. Прибывший из Петербурга французский врач тоже подтвердил малярию, находя особый тип ее. Положение становилось критическим. Александр временами приходил в себя и требовал священника. Умирать в 48 лет без молитвы было страшно, грехи он чувствовал. К знаменитому купцу позвали архимандрита Тихона, который долго сидел у кровати больного Александра. Мамонтов в часы осознанного прояснения мысли слышал лишь тихий голос священника:

– Сын мой! Господь всем нам посылает испытания, но не каждому дает шанс пережить такую тяжелую болезнь. Второй месяц он не берет тебя к себе, значит, не все ты сделал на этой земле. Молиться буду за тебя и вернусь через два дня.

Родным Александра он напомнил, что идет великий пост. Просил в течение двух дней молитв ничего больному не давать, даже лекарств, а лишь поить освященной в церкви водой с опущенным в нее серебряным крестом. Неправильно поставленный врачами диагноз за эти два дня стал очевиден. Воспаление брюшины начало медленно спадать. Но о полном выздоровлении не могло быть и речи. Александр продолжал жить на строгой диете, пил осторожно по несколько глотков. От вида, запаха мяса и вина его сразу начинало тошнить. Он вынужден был отойти от дел, передав производство делами своему старшему сыну. А сам по совету священ-

ника стал подбирать уединенное святое место для молитв и благодарности Богу за продолжение своей земной жизни. Ему на глаза попало письмо Наволокского прихожанина А. Усинина с просьбой о пожертвованиях на спасение заброшенной в глубине болот Рдейской пустыни. Он углубился в изучение жизни на Рдейско-Полистовских болотах и истории монастыря. К весне Александр начал с трудом ходить, а к началу лета отправился в Холмскую волость Псковской губернии.

По характеристике исследователя Рдейско-Полистовского края Богдановской-Гиенэф на границе Новгородской и Псковской земель по левобережью реки Ловать находится уникальный, не изуродованный современностью, малоизвестный уголок природы с древнерусским названием Рдейско-Полистовский край. Его территория, включая площадь озер и островов, составляет девяносто три тысячи гектаров, из которых 60-70 процентов занимают болота. Рдейско-Полистовский массив отличается значительной древностью. Этот край в предледниковый период являлся одним из заливов древнего Приильменского озера. После оттока вода осталась в естественных понижениях – ложбинах и впадинах. Так образовались обширные, но мелководные озера. В дальнейшем мелководность озер способствовала их быстрому зарастанию, заболачиванию и образованию верховых болот. Таким образом, почти все болота Полисто-Ловатского массива – озерного происхождения. Мощность торфяного пласта составляет от двух до восьми метров. Позднее болота, покрытые моховым ковром, зарастали лесом.

Рдейско-Полистовские болота – это огромные естественные запасы воды, которые питают многие реки и ручьи. Интереснейшей особенностью болотных рек является то, что наряду с реками с открытым руслом, здесь много так называемых погребенных, текущих внутри торфяной залежи, а также подмоховых глухих речек. Следы рек, уходящих под торф, малозаметны и дают о себе знать лишь низкорослыми соснами с примесью березы по ее берегам, да окнищами погребенной воды. Рдейско-Полистовский массив состоит из отдельных впадин и вытянутых в северо-восточном направлении ложбин, между которыми расположены возвышающиеся гряды, бугры и холмы ледникового происхождения. Отдельные холмы и участки гряд покрыты сосново-березовым лесом, а значительные участки вообще безлесны. На болотах около ста островов-суходолов. Рдейско-Полистовский край издавна был заселен. Селения располагались на буграх и по возвышенным берегам рек и озер. Болотный край из-за бездорожья и отдаленности от уездного центра был глухим, но не темным. Сами крестьяне о себе говорили:

– Где бес ночует, там и мы живем.

Однако, по словам писателя А.И. Фаресова, побывавшего здесь, мужики этого «глухого угла» поражали его даровитостью и проникновенным умом. Пообщавшись здесь с простым, но изумительным народом, писатель поверил в великое и светлое будущее России.

Одним из самых больших островов массива является Ратчинский бугор, расположенный между озерами Полисто и Рдейским, куполообразной формы с пологими склонами. Почва на острове плодородная, на ней все хорошо росло: лен, зерновые, картофель и клевер. В былые времена на ярмарках Холма и Старой Руссы рдейское масло пользовалось особым спросом. Его скупали даже европейцы, подмешивая в собственное масло, для получения уникального продукта. Земля, луга, пастбища и болото кормили здесь 360 хозяйств, поистине то был «Остров сокровищ».

Духовно-нравственным центром этого края на протяжении многих столетий была Рдейская обитель на одноименном озере. Озеро площадью в 760 га имеет форму неправильной восьмерки, его верхняя меньшая часть соединена проливом с нижней. Перешеек между ними образует два полуострова, на южной части и находится Рдейский монастырь. Начальная история Рдейской пустыни теряется в глубине веков, она овеяна народными преданиями и легендами. Точное время основания здесь иноческой обители неизвестно. По письменным источникам самым первым настоятелем пустыни был Спиридон Голохвастов, руководивший ею по 1688 год. В это время пустынь входила в Лазаревский стан Торопецкого уезда Псковской

земли. Все строения, в том числе храм были деревянными и сгорели в 1700 году. На этом месте в том же году при архимандрите Ионе был заложен каменный двухэтажный храм с шатровой колокольной во имя Успенья Богородицы. В 1723 году монастырю принадлежало триста крепостных душ. По внутреннему убранству, церковной утвари и числу келий пустынь находилась в полном благоустройстве, но в 1764 году она была упразднена и обращена в обычный приход. Отдаленный от населенных пунктов приход вскоре обеднел и вместе с Успенской церковью был закрыт, а причт переведен в Наволокскую церковь. Обитель окончательно опустела.

Александр Мамонтов прибыл в село Наволок ранним летом и обратился в местный приход за помощью, чтобы добраться до Рдейской обители и пересечь 12 километров бездорожья. Деревянная гать, проложенная по болотам, пришла в негодность во многих местах. О движении на повозке не могло быть и речи. За большие деньги купца довели до первой промоины гати у подземной реки, а дальше он направился пешком. Первые яркие впечатления от запаха трав, пугающего взлета больших птиц, отдаленного медвежьего рева прошли быстро. Чем дальше он продвигался, тем более осознавал, что это путешествие для него может оказаться последним. Удушливый запах болот и жара приводили к полной потере сил, болезнь вновь начала себя проявлять. Запасы специальной воды, рассчитанные на оба конца пути, подходили к концу. Остатки деревянной гати медленно погружались в болото при наступлении на бревна. Болото пугало жутким бульканьем выходящих из-под бревен лопающихся пузырей, а при ходьбе некоторые бревна неожиданно глубоко погружались, грозясь опрокинуть путника в непроходимую топь. Обувь Александра промокла, он отчаялся и уже хотел повернуть обратно, не пройдя и половины пути. На одном из сухих мест он лег на спину, и целый час лежал, восстанавливая последние силы. Какая-то неведомая сила не пускала его в дальнейший путь, как будто гирями обвешивая все тело. Он с трудом поднялся и медленно пошел вперед, решив, что если уж смерти суждено прибрать его в свои руки, то пусть это случится ближе к святому месту. Александр рассчитал продолжительность пути к монастырю в три часа, однако, прошло уже шесть часов, а окончания пути не было. Болото становилось все опаснее, и не было видно ни конца его, ни края. От рези в животе и жары пот застилал глаза, сознание помутилось. Из последних сил он выбрался из топи в сосновый лес и продолжал ползти, цепляясь за корни деревьев и мох, пока не потерял сознание. Его случайно нашел сторож-отшельник Петр, единственный житель Рдейской обители, давно покинутой людьми. Он жил здесь уже третий год, вел нехитрое хозяйство. Помощь приходила к нему очень редко, в основном зимой, когда замерзало болото. Редкие охотники, а то и прежние верующие приходили сюда помолиться, оставляя ему свои припасы. Зимой он сам приходил в Холм пешком для обмена дичи и рыбы на соль и необходимую в хозяйстве утварь и одежду.

В знойный день он отдыхал в тени своей кельи, когда услышал легкий удар малого колокола. Он вышел и осмотрелся. Большая сова, неизвестно почему, летевшая днем, пыталась сесть на колокольню и произвела этот звук, задев колокол. Петр перекрестился. За долгое одиночество он научился остро чувствовать природу и понимать ее. Восприняв прилет совы, как знак свыше, он отправился на осмотр своего хозяйства, углубляясь по краю болота в островок соснового леса, где обнаружил свежий след непонятного происхождения и пошел по нему. След тянулся от монастыря в другую сторону болота и готов был затеряться в корнях деревьев. Но тут Петр увидел потерянный мокрый сапог, а в углублении ямы – еле живого и очень худого человека. Судя по одежде, человек был знатного происхождения, а не беглый каторжник. Петр легко взвалил его на себя и принес в келью.

Когда капельки влаги попали в легкие, Мамонтов закашлял и очнулся. Обросший, с длинной бородой мужичок, похожий на черта аккуратно вливавший ему в рот какую-то жидкость, сказал:

– Жив, слава Богу...

Купец понял, что он еще на этом свете. Испуг прошел:

– Чем ты меня поишь, мне ничего нельзя, кроме каши и колодезной воды.

– Извини, барин. Вода кипяченая, прямо с озера, другой жидкости здесь нет. Люди веками пили эту озерную воду и тебе худа не будет.

– А почему она такая грязная?

– Не грязная, а темная от болота и здоровью твоему полезна, можешь не сомневаться.

Слова мужичка действовали на купца как гипноз. Жажда мучила его ужасно, поэтому он выпил половину котелка, предчувствуя самые ужасные последствия для своего кишечника. Но они не последовали, а появилось чувство голода. Он с трудом поднялся и стал доставать свои запасы для приготовления диетической каши, чему вынужден был научиться за время болезни. Но Петр его остановил:

– Не майся дурью, барин. Уха уже готова, тебе жизненные силы нужны, одной кашей их не добудешь.

– Боюсь, похоронишь ты меня здесь после своей ухи, не страшно перед Богом?

– Чего ж смерти бояться, она, как избавление от трудностей жизни. Я бы счастлив был, коль можно было заранее указать свое место погребения, да было кому похоронить. Пойдем, помолимся перед трапезой!

Они недолго молились перед алтарем. Казалось, что вся мощь божественной энергии обрушилась на них, скопившись здесь от того, что души человеческие давно не впитывали их. Энергетические столбы Божьей благодати невидимыми лучами пронзали их тела, искореня старые грехи и готовя молящихся к новым испытаниям земной жизни. Это совсем не означало, что кому-то из них свалятся большие деньги или наступит полное выздоровление от неизлечимой болезни. Грязная вода талых вод, проходя под землей многослойное очищение, превращается в чистейший родник. Так и человек по жизни должен проходить очищение души в святых местах для ясного сознания своей роли в обществе и выбора жизненного пути. И процесс этот вечен. Можно испоганить родник, или собрать талые воды на месте свалки отходов человеческих и превратить саму жизнь в ад. Куда важнее питать своих детей родниковой водой, употреблять слова и дела человеческие для дел праведных.

Все пространство большого котелка было занято огромной щучьей головой. Петр аккуратно вытащил ее на деревянный стол, отщипнул в миску рыбы щеки, налил юшку и подвинул к Александру.

– Ешь барин, такой ушицы ты, небось, вовек не пробовал.

Александр осторожно придвинул миску. Ушица была необычного вкуса. Съев четверть миски, купец сразу же лег на деревянный настил и прикрыл глаза. Обычная тяжесть и боль после приема пищи не наступила. Наоборот, появилось чувство голода, и он лишь произнес:

– Молитва помогла.

Через полчаса он доел миску ухи, съел кусочки щучьего мяса и сразу уснул. Пробудился Александр на закате солнца, болей в животе не было. Мучила жажда, поэтому он прильнул к котелку и пил долго и много. Такого он не позволял себе целый год. Подошел улыбающийся Петр:

– Ну вот, барин, слава Богу, а то я уж подумал, что действительно отравил тебя ухой, храп твой за версту был слышен.

– Не называй меня барин, зови Александром, ты мой спаситель, а теперь и друг.

– Хорошо, Александр, воля твоя.

– Ты разрешишь мне пожить здесь у тебя несколько дней?

– Работать будешь, живи. Бездельников не держу.

– А что делать-то нужно?

– С утра уборка Храма, потом поедем на лодке рыбу добывать, вдвоем сподручнее будет, а там уж лес попилим, дрова поколем.

Купец был согласен на все, хотя сомневался в силах своих. Теперь он понял, что пить эту воду и есть уху он может в любых количествах без опаски для здоровья. Ночью он дважды вставал и прикладывался к котелку с холодной ухой, чувство голода его не покидало. Проснулся поздно. Петр точил огромный кованый крюк и с укоризной смотрел на купца:

– Долго спишь, ба... дружок, уборку храма проспал, на дню опасностей много, традиции держать надобно.

– Извини, Петр. Сам понимаешь, тяжело мне вчера было, но сейчас я бодр и готов работать. А что ты делаешь?

– Крючок точу, крокодила ловить будем.

– Разве здесь водятся крокодилы?

– Щуки это огромные, до пяти пудов бывают, а страху от них не меньше, чем от крокодилов африканских.

– А ты откуда про Африку знаешь?

– Так читал, не глупую жизнь раньше вел.

– А здесь как оказался?

– Любовь к женщине сгубила, уж больно красива была. Больше ни о чем не спрашивай, ничего не расскажу. До конца жизни мне грехи не отмогить.

– Я человек не бедный, у меня есть все возможности вернуть тебя в общество. Работу дам достойную, жалованием не обижу, семью сможешь завести, если со мной пойдешь.

– Нет, мое место здесь, я это чувствую. Мне отведена Богом роль в возрождении обители, а тебя ведь тоже не случайно сюда принесло. Я ждал тебя, мне видение было.

Про свою жизнь Александр рассказывать не стал, да и Петр на воде просил соблюдать тишину. Рыбалка показалась купцу странной: Петр привязал к тому огромному крюку длинную веревку, нанизав на крюк пойманную накануне птицу, и тащил ее за лодкой. Пока медленно плыли, Петр негромко разьяснял купцу особенности озера и ловли рыбы. В озере белая рыба не водится, только хищники окунь и щука, которые поедают сами себя. Щуки огромны и их надо опасаться. Способ ловли прост – на живца. Щуки любят хватать неосторожных на воде птиц от чаек до уток, поэтому их редко встретишь посреди озера, они все жмутся у берега в камышах. После поклевки Петр будет работать веслами, направляя лодку к берегу. Задача Александра подтянуть рыбу к лодке и оглушить огромным деревянным молотком, лежащим тут же.

– Ты, дружок, помни! Добыча не главное. Держи равновесие лодки, не наклоняйся у ее края. Руки в воду не опускай. Рыбу будем тащить по воде до самого берега и только потом будем ее вытаскивать.

– Да понял я все, Петр. Не волнуйся, я сдюжу.

Около двух часов они плавали довольно далеко от берега, пока не случился сильный рывок. Лодку сразу понесло к противоположному берегу, несмотря на работу веслами.

– Ну и чудисьце, – произнес Александр с легким испугом.

Петр его успокоил:

– Слава Богу, пуда на два, не больше. Везет тебе дружок, справимся за час.

И действительно, щука стала выдыхаться, ее спинной плавник все чаще показывался на поверхности воды. Но как только Александр брался за молот, она ныряла на глубину, уходя под лодку, сильно ее наклоняя. Петр маневрировал мастерски. В очередной раз щука всплыла рядом с лодкой, получила сильнейший удар молота и перестала сопротивляться. На радостях купец перегнулся через борт, стремясь понять, глубоко ли вошел крюк в пасть щуки.

– Куда? – успел прокричать Петр.

Удар в борт лодки был настолько сильным, что Александр упал в воду. Испугаться и понять что-нибудь он не успел. Петр мгновенно развернул лодку и быстро втянул в нее оказав-

шегоса в воде купца. Обездвиженная щука продолжала плавать возле лодки, что окончательно сбило Александра с толку.

– Что это было? – еле выговорил он уже в лодке, дрожа всем телом, не столько от холода, сколько от неожиданного купания.

– Вон, посмотри, кого мы здесь крокодилами называем.

Там, где только что барахтался купец, показалась другая щука размером с лодку. Александру стало не по себе. Он невольно вжался в дно лодки, а Петр быстро заработал веслами, пытаясь быстрее оторваться от преследования. В это время монстр мощно ударил по уже пойманной щуке, разорвав ее пополам, и больше нападений не последовало. В полной тишине они вытащили на берег оставшуюся часть пойманной рыбы и присели отдохнуть.

– Ты хоть понял, что был на краю гибели, от твоего тощего тела и косточек не нашли бы. Не будешь исполнять все, что тебе говорю, в третий раз уже не спасу.

Петр повышал голос все больше, видимо он пережил стресс не меньший, чем купец.

– Завтра встанешь на уборку храма на час раньше и чтоб чистота была не хуже, чем в хате господской.

Александр молчал, сознавая свою вину. Его слегка колотило, страх догнал его значительно позже. Петр снял с крюка все, что осталось от щуки, еды с нее теперь хватит на неделю. Часть он отнес в ледник, вторую часть начал разделять для ухи и поджарки.

Несколько дней отшельники Рдейской обители провели в трудах. Петр не брал больше купца ни на рыбалку, ни на охоту, боясь повторения неординарных случаев. Александр окреп, живот его почти не тревожил. Он впервые за последний год ел и пил досыта. К концу недели в храм пришли охотники. Их снарядили из Холма, где распространились слухи о пропаже известного купца Мамонтова в Рдейских болотах. Мужики обрадовались, увидев его живым и здоровым. По наказу местных властей они взялись сопровождать Александра обратно и представить начальству. Мамонтов тепло простился с Петром, выпросил все его нужды и обещал вернуться к осени. Обратная дорога не показалась купцу трудной и опасной. Монастырь отпустил набравшего сил Александра в ясный солнечный день. С собой он нес несколько бутылок с рдейской озерной водой, считая ее за лекарство. Охотники на болотной дороге чувствовали себя, как дома, и вели его быстро в обход всем опасностям. На встрече с руководством волости Мамонтов твердо пообещал выделить деньги для восстановления прихода Рдейской обители. Составили соответствующие ходатайства и договорились о начале работ по ремонту гати на деньги купца.

В Москве Александру не жилось, опять стала обостряться болезнь. Татьяна любила мужа какой-то внутренней духовной любовью и, как могла, сглаживала его страдания. Благочестие и терпимость русской женщины, так трепетно проявленные женой Мамонтова, было естественной особенностью русской души, правилом сохранения семьи, выработанным веками. Оно опиралось на память счастливых дней и лет, проведенных с любимым мужчиной, совместное воспитание детей. И эта память в счастливых семьях никогда не предавалась ради сиюминутных наслаждений, даже и после смерти супруга. Пройдут века, но мы неизменно увидим примеры этому явлению в современной жизни России.

Указом Святейшего Синода от 19 сентября 1883 года при Рдейской церкви был открыт приход с причтом из священника и псаломщика. Мамонтов приехал к празднику и застал в обители большое скопление людей. Впервые он чувствовал прямую благодарность народа в виде искрящихся глаз, низкого поклона, обращенного к нему, не как к представителю богатого сословия, а в знак уважения за благое дело. Он привез с собой много добра, в основном для своего спасителя Петра, но получил страшное известие о его гибели. Доказательством тому служила прибитая ветром в камыши его лодка с остатками утвари. Печаль Александра была безмерной. Но это лишь утвердило его в вере и желании продолжить воссоздание обители в память о потерянном друге позже. Он выделит большие деньги на создание здесь женской

общины с училищем для крестьянских детей. Будет построено множество строений, включая мастерские, погреба, конюшни и каретный двор. В самый тяжелый весенний период жизни крестьян, когда во многих семьях заканчивались припасы, их спасала Рдейская пустынь. Мамонтов заказал специальные сети для ловли щук. Щучьей ухой бесплатно кормили всех прихожан из многих соседних деревень и давали краюху прекрасного ржаного хлеба собственной выпечки. Трудной болотной дорогой люди шли к обители большими семьями с малыми детьми на руках и престарелыми родителями. Стекались сюда и нищие со всех окрестных городов и сел. Их тоже кормили, денег на это Мамонтов не жалел. Молились искренне, с верой, но места для молебна в праздничные дни уже не хватало. Народ стоял в молитве по всей округности Рдейской пустыни, а число верующих паломников росло из года в год. Тогда Александр Мамонтов с согласия священного Синода начал строительство здесь храма на 750 мест, равного которому в округе не было. Автором проекта Успенского собора стал известный московский архитектор Александр Каминский, находящийся в родстве с Мамонтовым по линии сестры. Трудно передать с какими трудностями столкнулись строители монастыря, и каких денег это стоило. Не каждому человеку суждено оставить после себя память на многие века вперед, но ради этого стоило прожить жизнь.

До открытия храма в 1902 году не дожили ни архитектор, ни создатель. Александр Мамонтов умирал в Москве без мук, отлично сознавая, как быстро его покидают силы. В последний час он призвал к себе всю семью, взял слово купеческое с сына Александра на завершение строительства Успенского собора. Затем сложил руки в прощальном приветствии и скончался с улыбкой на лице. Толпы москвичей пришли проститься с известным купцом, и у многих закрадывалось сомнение, – а не живого ли хоронят? Настолько чистым, живым и одухотворенным было лицо покойника.

Чин освящения нового Успенского собора провел 19 сентября 1902 года сам архиепископ Новгородский и Старорусский Гурий, который прибыл в Рдейскую пустынь в экипаже по новой дороге, восстановленной в период строительства монастыря. А между деревнями, расположенными в этой местности, дороги проходили по «кладкам» – стволам деревьев, положенным по болоту в два ряда, подобно узким рельсам. Местные жители, привычные к такому способу передвижения, помогая себе шестом, быстро двигались по кладкам, а для пришлого человека такой путь был связан с риском для здоровья.

Еще накануне открытия собора с раннего утра начали собираться богомольцы с разных мест. Ко времени всенощного бдения их уже собралось такое множество, что обширный храм не мог вместить и самой малой части собравшихся, большинству пришлось расположиться в монастыре вне церкви и молиться на открытом воздухе. У всех был восторг от огромного, богато украшенного Успенского собора и божественного песнопения прекрасного хора пустыни. Именно с этого дня Рдейская пустынь подтвердила статус центра духовной жизни округи. В 1908 году в Новгородских ведомостях признавалось, что по красоте, богатству и по отправлению церковных служб Рдейский монастырь – один из первых и лучших во всей Новгородской губернии. Вот так описан праздник в честь Успения Божией Матери 1908 года: «Вереницы богомольцев все прибывают и прибывают. Все помещения для публики (гостиницы и сторожки) нарасхват занимаются.

За стенами монастыря около причтовых домов расположились торговцы с пряниками, кренделями, яблоками и селедками, которых толпою окружают покупатели. Кое-где раздается веселый смех молодежи. Интеллигенты с важным видом гуляют по берегу озера. После Литургии, отличавшейся особой торжественностью, вокруг монастырских стен под звон всех колоколов совершается крестный ход. Впереди шли два хора, а за ними с иконами шествовало духовенство, настоятельница пустыни, рядами сестры, а за ними масса народа. Среди икон, которые несли на высоких носилках, была старинная местная святыня – чудотворная икона Успения Божией Матери».

Хозяйство Рдейской пустыни с каждым годом крепло. К 1916 году ей принадлежали: 311 десятин, 720 сажень земли, государственных процентных бумаг на сумму 84799 рублей, на книжках сберегательной кассы имелось 39291 рубль. Во время первой мировой войны монастырь ежегодно жертвовал деньги на устройство и содержание лазарета при Юрьевом монастыре, а также для оказания помощи фронту, раненым, семьям фронтовиков. Пустынь отсылала в дар армии постельное белье собственного изготовления.

Однако судьба безжалостно приближала события 1917 года, которые начинались задолго до революции, имея глубинные больные корни периода освобождения крестьян. Устройство сельского хозяйства с ее чересполосицей и низкой производительностью сельского труда тормозило развитие промышленности и всей страны в целом. А попытки быстро изменить структуру силой полиции и казаков, заставить работать по новым правилам привело к потере доверия народной массы сначала к царской власти, а затем и к институту церкви, так яростно ее поддерживающей. Еще в последние годы девятнадцатого века все население воспитывалось на глубоко монархических принципах преданности царю и всему строю того времени, считая его нравственно правильным. Но ситуация стремительно менялась. Вот как рассказывает в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федчинков):

«Когда заболел царь Александр Третий, я был школьником духовного училища. Боже! Как, мы, мальчишки, принимали близко к сердцу! После урока и обеда многие из нас почти бежали к углу Большой улицы на Варваринской улице, где на особой деревянной доске вывешивались ежедневно бюллетени о состоянии здоровья больного нашего царя: температура, пульс, общее состояние... и мы видели с болью, что дело плохо. Уверяю читателя, что если бы мой родной отец болел, едва ли бы я был захвачен большим интересом к нему, чем к царю. Нет, скажу больше, я менее страдал бы за родного отца, чем за царя. Мы маленькие люди, никому не нужные, простые, бедные. Наш удел всегда таков, чтобы страдать, болеть, умирать, так должно быть. Но он – царь! Общий отец всех нас, всей страны, его смерть огромное дело, так жило сердце мое. И когда дошла весть о смерти царя, я обливался горячими слезами и слезы были искренними. Молитвы наши за царя не были лишь по указу начальства, а отвечали общему нашему настроению. Приблизительно так же должны были чувствовать и мои родители и народ.

Десять лет спустя, когда я уже был профессорским стипендиатом в академии, я написал одно письмо царю и подписал, Преданный до смерти такой-то не без колебания. А тогда уже прошла первая революция. Что же это означало? Лицемерия у меня не было, тогда говорили во мне больше ум и долг, чем непосредственное требование сердца. Увы! За десять лет что-то изменилось уже и во мне.

А когда была убита вся царская семья, мы служили панихиду в Симферополе. Но ни я, никто другой не плакали, хотя в это время у нас в Крыму были белые войска, и бояться красных было нечего. Даже народу в церкви было мало. Что-то порвалось, стало большой психологической загадкой: как же так быстро исчезло столь горячее и глубокое благоговейное почитание царя? В рассказе одного слушателя профессора Ключевского В. О. мне пришлось прочитать его «пророчество» о народе: «Народ, вступивший на революционный путь (1905г), обманул своего Царя, которому клялся в верноподданничестве и безграничной преданности. Наступит время, когда он обманет и Церковь, и всех тех, кто его считал православным и богоносцем. Придет пора, что он сумеет обмануть и социалистов, за которыми сначала пойдет».

Удивительное предсказание, сказанное еще в начале 20 века, а записанное в конце Великой Отечественной войны, когда в победивший социализм верила половина человечества! Однако, вернемся в революционное время.

«Должно признать, что влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Духовная жизнь и религиозное горение начали слабеть. Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва – холодным образом по привычке. Огня не было у

священников. Они продолжали кормить верующих людей манной кашей, а люди хотели уже взрослой твердой пищи. В это же время марксистское объяснение происхождения религии, хотя и не принималось большинством верующих, но легко ложилось на обездоленных людей и шло навстречу их низшим инстинктам. Суть его проста: властители и власть, а отчасти и духовенство пользовались религией для удушения протестов и для защиты своих привилегий. Народу обещали будущее небесное блаженство, лишь бы бедняки не бунтовали против земных господ. Такое материалистическое объяснение легко принимать бедняками.

Кроме того, Церковь перестала быть «солью» и поэтому не могла осаливать других. Привычки к прежним принципам послушания, подчинения еще более делали духовенство элементом малоподвижным. Примером тому служил массовый уход студентов духовных семинарий, академий в другой вид деятельности. И поэтому, можно сказать, духовенство тоже стояло на пороге пересмотра и испытаний. Увы, но это народу было нужно, а стране суждено пройти. Люди всегда жаждали сильных ощущений, в чем бы они не проявлялись. И это, в основе, правильно: человеческая душа создана не для будничного прозябания, а для высокой, мощной жизни. Человек всегда искал захватывающих переживаний, хотя бы и нездоровых. «А он мятежный просит бури, как будто в бурях есть покой!» Не может и не хочет человек найти покой в безжизненности, в будничном спокойствии.

Однако в этом естественном и, по существу, идеальном стремлении человека всегда лежал соблазн подмеси и преждевременности. Адам и Ева поторопились и лишились того, что имели. Человечество во все времена хотело слишком скоро, слишком механически овладеть высотами, «украсть» и совлечь, как Прометей, огонь с неба на землю, но получалась ошибка, самообман. Вместо огня оказался призрачный мираж, вместо горения – копоть, вместо света – мрак. Таково происхождение всех лжеучений, сект и многих политических течений. Еще не созревшие до совершенства, эти люди хватались за верхушки его и падали.

Особенным соблазном у человечества всегда было желание соединить небесное и земное, духовное с телесным. И этот соблазн сильнее был в высших кругах, богатство давало им возможность удовлетворять все положения, а они были по существу плотские, духовное начало давно ослабело, изжилося. Есть немало оснований думать, что в высших кругах столицы и больших городов духовная жизнь опустилась весьма низко... Литература, словами Толстого, Тургенева, Достоевского говорила нам давно, что общество становилось, по выражению Библии «плотью». Возобладал дух безбожного материализма: жить только этой земной жизнью – вот ясная цель. Нетрудно представить, как быстро такая жизнь трансформируется в обществе и часто обретает вульгарные формы, где грех господствует широко и глубоко.

Церковь была сдвинута царской властью с места учительницы и утешительницы. Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозным внутренне. И хотя цари не были безбожниками, связь с духовенством у них была надорвана, земная жизнь последнего царя возобладала над высшим предназначением. Подписывая свое отречение в поезде на станции Псков, он больше всего мечтал о свидании с женой и детьми, так сладко ему обещанном. Но история не прощает слабости людей такого уровня. Вера, государственная мудрость и военная сила государства были утеряны одновременно, опрокидывая сомневающийся народ в еще большую пропасть безверия. Еще задолго до этих событий, вместо влияния духовенства, в придворную сферу проникало увлечение какими-нибудь светскими авантюристами типа француза «Филипе», а позднее Распутина, который окончательно разрушил атмосферу царского дома, подорвал доверие внутри знати. Народолюбец и друг царя Тихомиров говорил на собрании по поводу подписания открытого письма царю:

– Все бесполезно! Господь закрыл очи царя, и никто не может изменить этого. Революция все равно неизбежно придет, но я дал клятву Богу не принимать в ней участия. Революция – от дьявола. А вы своим письмом не остановите, а лишь ускорите ее. Моей подписи под письмом не будет.

Революция пришла в октябре. Народ наш, как близкий к природе, здоровый умом и сильный духом, радикален и решителен. Он или уж терпит смиренно, и терпит долго и глубоко, или уж если взялся за дело, то доведет его до конца. Интеллигенты, как элемент уже ослабленный «культурой» городской жизни, склонны мириться с компромиссами, уступками, половинчатостью. Не то – народ: он, как и всякая стихия, стремителен и последователен. Эту сторону русского народа понимали и Толстой и Достоевский. Русский солдат в «Войне и мире» стоял перед французскими пушками, как гранит. Недаром же произнес Наполеон, что русского мало убить, его надо еще повалить на землю.

Когда началась междоусобная война почти по всей стране, народ мог много раз проверить себя: куда идти и за кем, ведь власть в городах менялась неоднократно. В России народ пошел за большевиками, говорили тогда: плоха власть, да наша. А власть эта не только гладила народ по головке всякими обещаниями и науками, а вскоре взяла его ежовыми рукавицами в переработку. Часто обвиняют большевиков в терроризме, но в этом не только их сила, но и государственная правда. Только настоящая власть без страха употребляет, где нужно силу, до смертной казни включительно. И народ, несмотря на это, – а именно по этому! – еще решительнее прислонился к Советской власти. И прислонился сознательно по причине своего того же здравого мужицкого смысла. Конечно, было бы неожиданно, если бы тысячелетние обычаи жизни легко изменились. Но, передавая свою волю большевикам, даже не вполне понимая социалистическую систему, народ все же верил одному: эта власть – народная и потому народу не повредит! А там дальше будет видно».

Главные беды Рдейского монастыря начались с 1918 года. Сельское хозяйство пустыни было фактически разрушено, так как были реквизированы семена для посева, а крестьянами деревни Высокое захвачена хуторская земля. Монастырь остался без хлебных запасов. Существовавшие в обители мастерские: чулочная, башмачная и кустарных промыслов – прекратили свою работу из-за отсутствия сырья. А представители местной ячейки РКП(б) конфисковали три коровы, лошадь, фисгармонию, несколько самоваров, чайную посуду, лампы и другое имущество. Но и в этих условиях Рдейская пустынь пыталась выжить, засаживая усадебную землю картофелем, постепенно сокращая оставшееся небольшое поголовье скота из-за отсутствия кормов. В Успенском храме служба продолжалась еще несколько лет, и люди, как прежде, шли в монастырь. Собор был закрыт в 1932 году с предложением: использовать каменную церковь Рдейского монастыря для хозяйственных нужд. Собор Успения Богородицы прослужил с момента освящения 30 лет и оказался обреченным на разрушение и поругание в течение последующих 100 лет. Куда пропало его дорогое убранство, старинные иконы и реликвии так никто и никогда не узнает.

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ 1997 ГОД.

Андрей Старов вышел на работу в банк на следующий день после официального увольнения с военной службы. Его представили в хозяйственном управлении и наметили план освоения должности инженера по охране труда. Его начальник Евгений Савкин был лет на 10 моложе Андрея, но успел отслужить в армии на офицерской должности до развала СССР. С угольно – черной шевелюрой и такими же усами Евгений обладал мягким характером и совершенно не походил на офицера запаса. Душевность, желание помочь были настолько искренними, что Андрей сразу почувствовал скорее плечо товарища и друга, чем начальника. В первый же день Андрей записался на курсы в учебный центр, где шло обучение до обеда. Во второй половине дня предстояло постепенно осваивать компьютер, – без беглого печатания инструкций и формирования отчетов работа в банке не мыслилась. Андрей имел лишь общие понятия об использовании компьютера, поэтому с первого дня мучал своего начальника мелкими вопросами. Евгений методично и спокойно рассказывал ему об ошибках и терпеливо помогал менять

режимы работы, вплоть до перезапуска компьютера. Другой бы на его месте не выдержал бес-толкового подчиненного, но он лишь приглаживал свои волосы и начинал объяснять все с начала. Ближе к концу рабочего дня Андрея неожиданно вызвал к себе начальник хозяйственного управления:

– Андрей Михайлович! Вот вам деньги, срочно купите бутылку хорошего коньяка.

Андрей взял деньги, но сразу не побежал исполнять просьбу. Авиация приучила его к осмыслению и просчету последствий своих поступков. Он вернулся в свой кабинет и прямо спросил своего начальника:

– Зачем посылать подчиненного в магазин за час до конца работы, если самому на выходе можно зайти в соседний магазин?

– Андрей! Ты что, не понимаешь? Думаю, что тебя проверяют и наверняка пригласят к столу.

– Я сам поставил бы коньяк с первой полочки, но не в первый же день?

– У Степана Ивановича такой принцип работы. Он говорит, чтобы понять женщину, на ней нужно жениться, а мужика сразу напоить и все станет ясно.

– Не понимаю, что можно понять после бутылки коньяка?

– А вот тут ты прав, советую взять две бутылки. Тебя проверят: не понесешь ли ахиною после первой рюмки, тогда и испытательный срок не понадобится.

Андрей так и сделал. Он принес коньяк и аккуратно положил сдачу, оставив вторую бутылку в пакете.

– Присаживайся, знакомиться будем, – сообщил начальник, открывая коньяк.

Он налил две рюмки, достал из холодильника хорошую закуску. Андрей молча достал вторую бутылку и поставил рядом. Увидев добавку, Иван Степанович пригласил еще несколько человек.

– Поздравляем тебя с первым рабочим днем, надеюсь, сработаемся, ибо случайные люди к нам не попадают, – произнес он первый тост.

Дальше Андрей коротко рассказал о службе в армии, летной профессии, но все время себя сдерживал и больше слушал других. В первый же день он уже почувствовал добрую атмосферу коллектива. Какие же прекрасные, отзывчивые люди собрались вместе. Неужели впервые в жизни ему повезло и все так прекрасно начинается? С большим энтузиазмом он взялся за новую профессию. Курсы в учебном центре он закончил досрочно: его отправили на работу, чтобы не задавал «глупых вопросов» преподавателям и не отвлекал всю группу. Весь объем знаний в новой профессии соответствовал сотой части инструкции по эксплуатации самолета ИЛ-76. Через месяц он свободно печатал, через два написал первые инструкции по охране труда и освоил отчетность. Через три месяца получил замечание от своего непосредственного начальника за то, что выполнил месячный план за одну неделю:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.